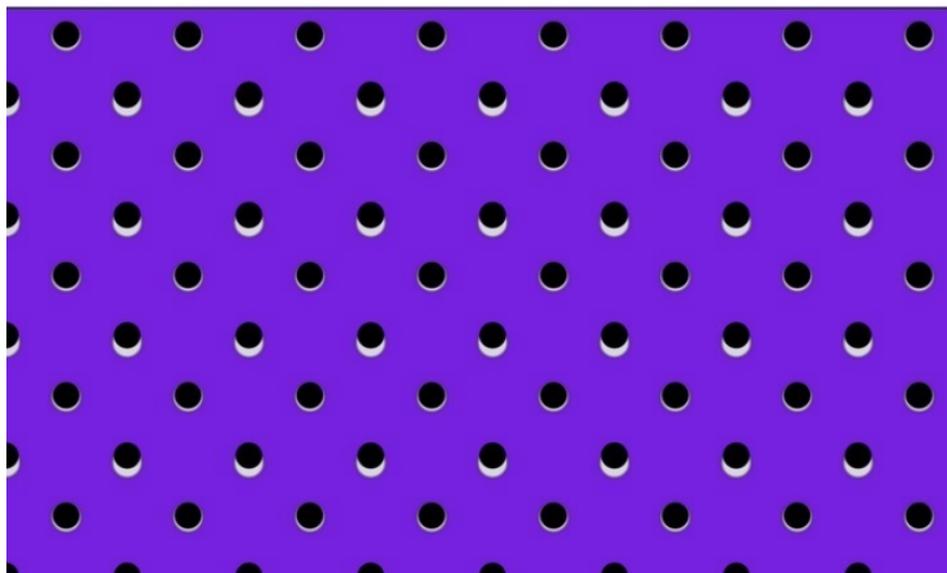

Ростислав Жуков

*Фальсифицированная
история Клуба
Капитона
Варсонофьевича
Дерменгольма*

Ростислав Жуков
Фальсифицированная
история Клуба Капитона
Варсонофьевича Дерменгольма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17797225

ISBN 9785447433888

Аннотация

В книге автор описывает свои студенческие годы в Ленинградском государственном университете им. А. А. Жданова. Вашему вниманию предлагается созданный в 1986 году Клуб КВД.

Содержание

Часть I. Предыстория Клуба КВД	5
Глава 1. Когда Клуба не было и в помине – Please Mister Postman	5
Глава 2. Как Капитон познакомился с Магуистом	12
Глава 3. Дуэт Капитона и Магуиста: петергофский авангард	16
Глава 4. Весна 1985: музыка и журналистика	25
Глава 5. Зебр и другие	31
Глава 6. «Понятие единой субстанции»: как Капитон стал Капитоном	35
Часть II. Клуб в эпоху Магуиста	38
Глава 7. Создание Клуба de jure	38
Глава 8. Capiton's Rising: рассказы о К. В. Дерменгольме – программа и идеология Клуба	43
Глава 9. Ансамбль «Гастроном»: от «Друга моего» до «Чешского Копóва»	53
Глава 10. Отношения в Клубе	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

**Фальсифицированная
история Клуба Капитона
Варсонофьевича
Дерменгольма
Ростислав Жуков**

© Ростислав Жуков, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Часть I. Предыстория Клуба КВД и отцы-основатели

Глава 1. Когда Клуба не было и в помине – Please Mister Postman

Точную дату создания Клуба Капитона Варсонофьевича Дерменгольма теперь уже невозможно установить. Хотя в 1985 году Капитон (р. 1963), в то время студент факультета журналистики Ленинградского государственного университета, вёл дневник, записи – что в какой-то день был создан Клуб – там нет. Капитона тогда, несомненно, занимали дела более для него важные и насущные, и к созданному, по его же инициативе, некоему эфемерному «клубу» он не относился всерьёз. Первое упоминание о Клубе появляется в его дневнике 20 октября 1985 года, образован же Клуб был, очевидно, в сентябре. Нужно сказать, что за целый год Капитон посвятил клубным делам в дневнике лишь несколько очень коротких записей.

Можно считать, что предыстория Клуба КВД начинается с августа 1985 года, когда был создан первый рассказ о Капитоне Варсонофьевиче Дерменгольме, а можно вести исчисление с сентября 1984 года, когда Капитон познакомился

со вторым отцом-основателем – Магуистом (р. 1967). Впрочем, справедливости ради, следует заметить, что с одним из будущих членов Клуба Капитон свёл знакомство гораздо раньше. Таковым является Магнус (р. 1962), оказавший в своё время большое воздействие на формирование капитоновских взглядов и оставивший существенный след в доклубной и клубной деятельности.

Поэтому вспомним вкратце дела более чем двадцатилетней давности. В декабре 1983 года Капитон завершил срочную службу в оркестре Беломорской военно-морской базы Северного флота (г. Северодвинск), где он играл партию второго кларнета, в связи с чем был практически без экзаменов принят на Подготовительное отделение (ПО) факультета журналистики ЛГУ. Студентов ПО поселили в новой общаге, что в 20 минутах ходьбы от платформы Университет Балтийского направления (путь от общаги до факультета занимал в среднем 1 час 45 минут).

Вместе с Капитоном в комнате жили Игорь Коряковцев «Элвис» (р. 1964) и Игорь Голутва «Гарри» (р. 1963). Гарри, отслуживший в воздушно-десантных войсках, был парень абсолютно компанейский и ни на чём особо не зацикливался, что же касается Элвиса (где он служил, я уже не помню), то это прозвище он назначил себе сам, так как был ярым меломаном. Вся музыка, не являющаяся англоязычным роком, вызывала у Элвиса ярое неприятие. Больше всего на свете Элвис любил «Битлз». Уже в первые дни он нашёл в об-

щаге битломана-единомышленника – им и был Магнус (отслуживший три года на корабле Черноморского флота и игравший на гитаре во флотском ансамбле). У них была перевязанная изолентой советская кассетка с записью альбомов *Please Please Me* и *With The Beatles*, которую они и слушали на убогом мафончике. Раз за разом они прокручивали песню *Please Mister Postman*, которая им особенно нравилась, и громко и неустанно ей восхищались. Этих восторгов Капитон, писавший транспаранты с латинскими изречениями и развешивавший их на стенах, не понимал. Поскольку Магнусу и Элвису не удавалось перемотать плёнку точно на начало своей любимой песни, то в комнате постоянно звучал и кусок предыдущей *Till There Was You*, каковая полуджазовая вещь Капитону, который в то время уже начал активно увлекаться джазом, нравилась всё-таки больше. Всего у Магнуса и Элвиса кассет было две. На второй были записаны альбомы ЭЛО *Discovery* и *Time*, и Капитон заявил, что эта музыка гораздо лучше хвалёных «Битлз», из-за чего подвергся насмешкам со стороны ярых битломанов.

Однако тут у Капитона произошла та же история, что и ранее с джазом. В своё время Капитон поставил себе чёткую задачу – полюбить джаз, и для этого *наильно* и на значительной громкости слушал пластинки с записями биг-бэндов. Своего он тогда добился – и скоро его уже никакая иная музыка не привлекала. Сейчас он был *вынужден* изо дня в день слушать «Битлз» и заодно взволнованные разговоры

о «Битлз» двух битлопоклонников, усваивая и переваривая массу информации. Не желая упасть в глазах своих новых товарищей и не быть немилосердно и жесточайшим образом ими осмеянным и даже матерно обруганным, он исподволь сам начал проявлять интерес к этой музыке и культуре, которая поначалу представлялась ему чуждой, тем более что по-английски он не понимал почти ни бельмеса. Постепенно Магнус приносил всё новые записи битловских альбомов, которые ему присылали друзья-битломаны из родного Азова. Элвис же раздобыл рукописную «Авторизованную биографию «Битлз» Хантера Дэвиса, и Капитон, поскольку умел хорошо печатать на машинке, охотно взялся её перепечатать в трёх экземплярах, за что удостоился бурного одобрения Элвиса и Магнуса. Английские названия песен Элвис аккуратно вписывал в машинописный текст разноцветными фломастерами.

Неуклонно-поступательно превращаясь в битломана, Капитон в то же время продолжал активно увлекаться джазом. Капитон покупал джазовые пластинки и посещал концерты, ездил в нотную библиотеку, что находилась близ тогдашней площади Брежнева на Большой Охте, и постоянно занимался в общаге перепиской нот. (Два старших битломана к этому его увлечению относились уважительно-безразлично. Элвиса джаз не интересовал, а Магнус его поначалу отвергал вовсе как «музыку, лишённую протеста»). Позже, в марте 1985 года, Капитон стал посещать Ленинградский

джаз-клуб «Квадрат», что базировался тогда в ДК им. Кирова на Большом проспекте Васильевского острова. *«Закономерно и необходимо мне там быть. Ибо сейчас джаз для меня большее, нечто просто музыка»*, – писал Капитон в своём дневнике.

Мы столь подробно останавливаемся на всём этом для того, чтобы дать представление о том, где брали начало истоки будущего Клуба. «Джаз в основе своей – цинизм и безверие», как сказал на одной из лекций в джаз-клубе музыкальный критик Сергей Мелешенко. Может быть, звучит громко, наивно (да вряд ли этот посыл вообще является истиной в последней инстанции), но эти слова сильно пришлись Капитону по душе. Ведь надо сказать, что Элвис, и тем более Магнус, когда не восхищались «Битлз», то на каждом шагу громко и остервенело ругали своё родное государство, а особенно партию и комсомол, попутно бурно восхищаясь Англией и, конечно, США. Комсомольские убеждения Капитона, которые раньше хорошо уживались у него с джазом, начали исподволь и неуклонно подгнивать, чтобы в своё время рухнуть со страшным грохотом. Настало время, когда битломан Капитон стал считать себя антикоммунистом. Сейчас над всем этим можно было бы тихо и по-доброму посмеяться, но тогда ведь как битломания, так и неприятие марксистской идеологии считались немалой ересью, пакостью и вызовом. Чуть ли не криминалом! Тем более, что Капитону тогда было двадцать лет, а перестройка ещё не началась.

Однако мы несколько забежали вперёд. В начале 1984 года Капитон только начинал осваивать азы битловской премудрости, но уже отличал Пола Маккартни от Джозефа Маккарти, а Леннона – от Ленина. Третий же товарищ, Гарри, мало воспринимал «Битлз», партия и комсомол были ему до барабана, однако почитал Высоцкого и, в свою очередь, приносил кассеты с записями его песен. Поэтому раньше, чем стать битломаном, Капитон проникся творчеством Высоцкого и, соответственно, перепечатал во многих экземплярах сборник из 175 его песен. Элвис Высоцкого отрицал категорически, а Магнус признавал его творчество только в силу того, что там имелся столь им ценимый «протест» (однако от песен Высоцкого только кривился, потому что обычно тот пел по-русски). Следует добавить, что и у Гарри нашлись товарищи – поклонники Высоцкого, и в процессе полемической музыкальной матерщины сторонники «Битлз» и таковые Высоцкого ежедневно друг друга оскорбляли, посылали в тар-тарары и едва не доходили до рукоприкладства. Что же касается Капитона, то он почему-то сумел тогда сочетать и то, и другое, и ему приходилось постоянно мирить между собой оба лагеря.

Летом Капитон и Магнус жили некоторое время в одной комнате вдвоём. Можно было бы сказать, что в это время они сдружились окончательно, если бы не практически ежедневные бурные скандалы. Происходили они, естественно, не из-за музыки – «Битлз» были вне критики, – а из-за мельчай-

ших бытовых пререканий. Ибо как один, так и другой обладали невероятным самолюбием и вспыльчивы были до крайности. Однако как бы яростно Магнус и Капитон ни ругались, примирение всегда наступало в тот же день, и вечером оба меломана дружно отправлялись на близлежащие частные огороды, где воровали картошку, которую затем тащили в общагу, жарили и затем с большим аппетитом ели, беседуя обо всём на свете.

Глава 2. Как Капитон познакомился с Магуистом

Закончив ПО и сдав выпускные экзамены, Капитон был зачислен на 1 курс факультета журналистики. (Равно как и Магнус; что касается Гарри и Элвиса, то они поступили на филфак). В сентябре новых первокурсников в связи с дефицитом мест в общежитиях временно поселили в профилактории ЛГУ – впоследствии с подачи Капитона и Магуиста это весьма недурное заведение первокурсники стали называть лепрозорием. Находился он на углу Мытнинской набережной и Зоологического переулка Петроградской стороны. Поскольку Магнус поселился на квартире, то ближайшими товарищами Капитона стали поступившие на 1 курс минуя ПО Александр Пушкарный (р. 1963) и Магуист (р. 1967).

Поначалу Капитон более сдружился с тихим, добрым и незлобивым коммунистом Пушкарным из ярославского Рыбинска, каковой город тогда назывался Андроповым. Они вместе ходили на факультет, в столовую, пили дома в профилактории чай, и Капитон помогал слабо врубающемуся в немецкий язык товарищу делать домашние задания. Поскольку коммунист Пушкарный вечно жаловался на то, что он никак не может найти себя, и ему нечем заняться в свободное время, Капитон присоветовал ему собирать марки и подарил свою старую привезённую из дома коллекцию –

в итоге Пушкарный постепенно стал матёрым филателистом и собирал много альбомов марок (причём по теме, предложенной Капитоном – портреты знаменитых людей). Заботясь о духовном развитии своего товарища, Капитон даже однажды сводил его на концерт ансамбля Давида Голощёкина, причём, вопреки ожиданиям, концерт Пушкарному понравился.

Прибывший из Петрозаводска Магуист, который всегда что-то громко и экспансивно вещал, временами пел под гитару, зачастую орал, громоподобно выражал свои эмоции, строил неопишуемые гримасы, всячески сокращался и неуклонно старался находиться в центре внимания, поначалу показался Капитону чрезмерно буйным и шумным. Капитон подумал, что Магуист будет мешать ему тихо и мирно пить с Пушкарным чай; что касается Магуиста, то он тоже отнёсся к Капитону сперва скептически-снисходительно как к некоему тихо помешанному провинциалу. Однако уже в первый день во время знакомства с Капитоном, когда Магуист спросил его, любит ли тот джаз, Капитона как пружинной подбросило. «Так на том мы стоим!!» – переменявшись в лице, радостно закричал он. Перебивая друг друга, Капитон и Магуист заговорили о джазе – Магуист в этом вопросе оказался несравненно более подкованным и немедленно подарил Капитону книжку Юга Панасье «История подлинного джаза». Магуист умел играть на гитаре, которая у него была; Капитон умел играть на саксофоне, которого у него

не было, однако Капитон знал нотную грамоту, которой Магуист не знал, и стал показывать Магуисту свои нотные записи джазовых пьес, и Магуист пришёл в неопишуемый восторг от хорошо знакомых ему названий джазовых эвергринов... С этого момента они стали друзьями не разлей вода.

Нужно сказать, что именно тогда появились так называемые «семейные титулы». Возникли они так. Поскольку никакой посуды, кроме одной ложки, у всех троих не было, то чайник они брали у соседей, а чай пили из поллитровых банок. Какую-то из банок Капитон назначил своей, и как-то раз Магуист, не зная о том, попытался её взять, дабы налить в неё себе чаю. «Поставь на место!! – громко заорал Капитон. – Из этой банки папа пьёт!!» Он имел в виду, конечно, себя (и просто вспомнил прикол какого-то своего флотского сослуживца). Таким образом Капитон, (исподволь напоминая, что Магуист действительно на четыре года его младше) уже тогда начал утверждать своё стремление к лидерству – дабы в будущем стать Президентом клуба своего имени... Магуист с почти серьёзным испугом немедленно поставил банку на стол и с тех пор называл Капитона не иначе, как Папой, а сам охотно согласился быть Сыном. Пушкарный стал именоваться Дядей (став, таким образом, братом Капитона), Магнус впоследствии стал Дедушкой (то есть, отцом Капитона); с расширением «семьи» родственные отношения постепенно дошли до полного абсурда – когда один из невероятно расплодившихся «сыновей» Капитона каким-то образом,

но совершенно логически стал его «приёмным отцом»... Появилась и Тётя – Асфира Мингазова из города Малмыж Кировской области; позже она действительно вышла замуж за Пушкарного, то есть Дядю – как и положено... А когда летом Капитон уехал на каникулы в свой посёлок Любытино Новгородской области, Магуист прислал ему на день рождения телеграмму: «Поздравляю папу с днём рождения. Сын», и по посёлку немедленно прошёл невероятный слух, что всегда слывший тихоней Капитон уже изготовил в Ленинграде ребёнка, и поздравление Капитону прислали от его лица.

Глава 3. Дуэт Капитона и Магуиста: петергофский авангард

В октябре 1984 года первокурсников переселили в Старый Петергоф – на этот раз в общежитие №10, что вблизи железнодорожной платформы. Магуист с Капитоном поселились в одной комнате. Третьим был Дядя. Дядя поставил на своей книжной полке маленький скромный бюстик Ленина, а Капитон с Магуистом увешали все стены афишами концертов Анатолия Кролла, Давида Голощёкина, Олега Лундстрема, Игоря Бриля, ансамбля «Арсенал» и польской джазовой группы «Стринг Коннекшен» – многие афиши были с автографами.

Магнус иногда посещал Капитона и Магуиста – с последним они играли на гитарах, а афиши вызвали его одобрение. Рок-концертов в Советском Союзе тогда почти не было, и Магнус признал, что, за отсутствием таковых, и джаз можно считать «протестом»; кроткого же Дядю весьма волновали и возмущали непрерывные и очень экспансивные антисоветские речи Магнуса. «Не могу я видеть этого деда! Как он мне надоел!!» – в сердцах закончил как-то одну из своих проповедей Магнус и, брезгливо взяв бюстик Ленина двумя пальцами, развернул его лицом к стене, чем очень Дядю обидел.

В то время набирала популярность группа «Аквариум»,

и Магуист любил наигрывать по вечерам на гитаре и громко распевать, с непотребными выкриками, несколько песен с альбома «Треугольник». Капитон не любил до того «Аквариум», известный ему единственно по «Старику Козлодоеву» с того же альбома – об этой песне он высказывался резко негативно как о дешёвой, глупой и вульгарной. Теперь, услышав и другие песни, он вдруг изменил своё мнение. Наверное, романтику Капитону понравился образ тракториста, лелеющего в кармане Жан-Поль Сартра. Поскольку в комнате имелся привезённый Капитоном из Любытина магнитофон «Маяк-205», Капитон решил на досуге заняться звукозаписью. (Ранее он писал на свой мафон только джаз с пластинок). У него была ненужная ему плёнка на 150 м устаревшего типа – он не хотел использовать её для чего-либо путного, и поэтому предложил Магуисту записать на эту плёнку четыре наиболее часто и удачно исполнявшиеся им песни Бориса Гребенщикова.

Микрофон, правда, был всего один, да и тот маяковский. Однако запись была сделана 25 декабря 1984 года, и именно она считается первой записью *дуэта* Капитона – Магуиста, хотя играл и пел на ней один Магуист. Он исполнил песни «Два тракториста», «Поручик Иванов», «Корнелий Шнапс» и «Матрос», а промежутки между песнями заполнил скабрёзными чмоканиями и урчаниями – таким образом получилась некая единая композиция.

Друзьям это понравилось, а на дорожке (писалось всё

на 9 скорость и на одну дорожку, а другой канал на запись не работал) места было ещё много, и Магуист с Капитоном быстро задумали и тут же осуществили уникальную, как и всё прочее, запись «Джаз-рок симфонии «Асфира», посвящённой уже упомянутой их однокурснице. Для прослушивания «симфонии» были приглашены знакомые девицы, жившие в общежитии, и прослушивание вышло не очень удачным, так как прототип бросил в Магуиста пустой литровой банкой, которая разбилась, и осколок попал в Капитона. Что же «симфония»? Она представляла из себя порядочную кучу всякой дряни и ничего общего с симфонией, равно как с джазом или роком, не имела.

Авторы её, правда, попытались придать этой куче некую общую композицию. Сначала – очевидно, под этим надо понимать симфоническую увертюру – звучит частушечный наигрыш на гитаре (на гитаре с самого начала и всегда играл Магуист, ибо Капитон не умел на ней играть вовсе). Затем следует грязный и не слишком умный «забойный крутняк» Магуиста «Кровавая морда убийцы» (неизвестно, какое отношение имеющий к прототипу). Очевидно, эта песня означает 1 часть, Аллегро. В «симфонии» мы впервые слышим голос Капитона. Но здесь он не поёт, ибо ещё стесняется (вся «симфония» – в общем-то, детище Магуиста), а только разговаривает, и даже без матюгов. Белиберда, состоящая из разговоров Сына с Папой, изображений сцен мордобоя, «прочистки микрофона» (первое «новаторство» Капи-

тона и Магуиста – когда в микрофон тычут кисточкой), и вообще неизвестно чего, перемежается ещё 3 так называемыми «песнями-пародиями». Единственное, что можно как-то выделить из всей «симфонии» – это длинная т. н. «вокально-инструментальная композиция *«Праздник»*, начинающая социальную тему в творчестве дуэта Капитона – Магуиста, будущего ансамбля «Гастроном»:

По России прошёл Первомай,
Как прошёл по России Мамай,
Уж Ты Господи еси на небеси,
Как гуляет народ на Руси.

И на Пасху, и в прочие дни —
Водку пей, самогонку гони.

Вдруг услышал один дипломат,
Как с Востока доносится мат:

«Ты не трогай российский народ,
Не суди нас, тудыть тебя в рот!
Ну, а если кто вякнет чаво —
Самоваром по роже яво!»

Ветер носит обрывки газет,
До карниза заблёван клозет.
Что неделя – нам праздник подай,
И прошёл по Руси Первомай.

Мы останавливаемся на этой «симфонии» столь подробно, чтобы ввести читателя в суть и дух раннего творчества дуэта. Записав 1-ю сторону своего первого «диска», приятели, окрылённые содеянным, записали и 2-ю. Сюда вошло нечто похожее на театрализованное представление «*Двое против кардинала Амосова*» (имелся в виду преподаватель истории КПСС) и «*Новогоднее поздравление*». И тут и там пародируются – не всегда, впрочем, злобно – преподаватели ЛГУ. Здесь есть, среди прочего, «Жестокий романс» на стихи В. Маяковского (вокал – Магуист), имеется «Разговор двух кошмаров» и именно здесь впервые, ещё робко, поёт Капитон – песню «Сегодня ты играешь джаз» (пародия на стихи из газеты «Известия» 50-х годов):

Сегодня ты играешь джаз,
А завтра Родину продашь,
От саксофона до ножа
Один лишь шаг...

В обеих композициях всю пруть натуралистические сцены (разливание «водки», пьяные базары, рыгание, блевание и т. п.). Таким образом, работу над первым «диском» дуэт завершил уже 28 декабря 1984 года.

Во второй раз Магуист и Капитон обратились к звукозаписи только в апреле 1985 года. Капитон привёз из Любы-

тина кларнет (на котором играл ещё во флотском оркестре). В это время – с 14 февраля – Капитон уже посещал ленинградский джаз-клуб «Квадрат», и на него произвела неизгладимое впечатление лекция-концерт по авангарду ленинградского музыкального критика Александра Кана. Капитон попытался сыграть что-то похожее, и это оказалось совсем просто. Услышав насилуемый, визжащий, как недорезанная свинья, кларнет, Магуист восхитился, и друзья записали трехчастную «Сюиту *«Быт человечества»*».

Название придумал Магуист – так именовался ряд его картин тушью. Заметим кстати, что в области изобразительного искусства творил в основном он и в будущем создал иллюстрации к рассказам о К. В. Дерменгольме. Впрочем, одну акварельную картину (естественно, авангардную) создал как-то Магнус, а одну – даже Капитон. В июне 1985 года он нарисовал на листке бумаги произведение под названием «*Das Neue Entstehende Bewußtsein*» («Новое Возникающее Сознание», по-немецки) и, сопроводив дарственной надписью, вручил одной из сокурсниц.

«Сюите» приятели постарались придать нечто похожее на классическую структуру. В качестве интродукции перед 1 частью звучит «философско-политическая» песня «Лёгкая атлетика» (которую Магуист поёт т. н. «голосом Брежнева»). Затем начинается часть 1, Аллегро «Авангардная поступь» – мощные гитарные аккорды и захлёбывающийся визжащий и орущий, как полоумная собака, кларнет; потом следуют

часть 2, Модерато «Грусть» – тихая и отрешённая – и часть 3, Ленто «Гармония высших сфер». Здесь мы слышим вокал Капитона без сопровождения в духе чёрного американского авангардного трио «The Air», «среднеазиатские» напевы Магуиста, длительные инструментальные опусы, и завершает «сюиту» вполне в общем контексте приличная песня Магуиста под гитару «Пусть я – не Франсуа». Чтобы не пропала вторая сторона «диска», Капитон тут же в одиночку записал на неё сольную композицию «Авангардный будильник» (кларнет и вокал. Капитону явно понравилось петь).

В мае авангардными экспериментами занялся и Магнус. Нужно сказать, что объективно он уже тогда был весьма сильным гитаристом и вполне мог бы играть в настоящих ансамблях! Интересно заметить, что дуэт не превратился в трио – Магнус с Капитоном вдвоём, без Магуиста (тот был в отлучке) записали свою довольно мрачную трёхчастную «Сюиту *«Палата для совмещённых»*» (название придумал Магнус), посвящённую книге Кена Кизи «Полёт над гнездом кукушки», и более весёлое «*Попурри «Полёты вокруг лампочки»*», включающее «Канцону *«Ibi Deflorare»*», навеянную авторами эпохи Возрождения.

Когда Магуист узнал, что, не пригласив его, записали целый диск, у него взыграло ретивое, и он в качестве «ответа» Магнусу вместе с Капитоном немедленно соорудил целую широкомасштабную «Гротеск-сюиту *«Буйство красок»*» длиной аж 21 минута и состоящую из 7 (!) частей, при-

менив – в условиях «Маяка-205» – наложение, ускоренную и замедленную запись; более про эту «сюиту», равно как и про записанные на вторую сторону «диска» две сольные композиции Магуиста и Капитона, сказать, к сожалению, абсолютно нечего...

С Магнусом Магуист вообще уживался столь же проблематично, как и Капитон: то они часами играли на гитарах, то мгновенно собачились и – далеко не сразу – мирились... Однако, в отличие от Капитона, Магуист, постоянно совершенно искренне, как во всеуслышание, так и нет восторгающийся игрой Магнуса на гитаре, почему-то с самого начала искал поводы, чтобы любым способом Магнуса уязвить, завлекая Капитона на свою сторону.

Однако, когда у Магнуса 10 мая 1985 года родилась дочь, Магуист с Капитоном записали *«Поздравление Магнусу по случаю рождения его дочери Елены»*. Прослушав поздравление, Магнус растрогался до слёз: «Спасибо, мужики...», – хотя я, хоть убей, не могу вспомнить, что это вообще такое было.

Заканчивая описание доклубной музыкальной деятельности, можно упомянуть крайне неприятно-клиническую на слух, рассчитанную на то, чтобы вызвать у слушателя чувство дискомфорта и отвращения, исключительно вокальную сольную композицию Капитона *«У меня выросла собачья нога»*, сыгранную дуэтом Магнус – Капитон *«Кантату «Засиженный мухами»*, в которой был использован колоколь-

чик, и две сольные гитарные композиции Магнуса. На этом период «авангарда» в творчестве Капитона – Магуиста — Магнуса закончился. Позже, в декабре 1985 года, уже в эпоху ансамбля «Гастроном», Магуист и Капитон выпустили extended play *«Я помню, что это было за время»* (воспоминания о Старом Петергофе), где исполнили 5 вещей Гребенщикова и свои ранние вещи. Однако попытка вспомнить былое оказалась неудачной. Песни были сыграны без души, бледно, растянуто и вяло, а произведения «Аквариума» в исполнении ансамбля «Гастроном» вряд ли могут заинтересовать душевно здорового человека.

Глава 4. Весна 1985: музыка и журналистика

Было бы неверным считать, что записям собственных музыкальных экспериментов Капитон и Магуист посвящали сколько-нибудь значительную часть досуга. И в начале 1985 года, и позже они возвращались к записям своего музыкального творчества лишь изредка. Хотя должное внимание популяризации, пропаганде и увековечению «авангарда» Капитон и Магуист уделяли неустанно. В частности, они множество раз сфотографировались с кларнетом и гитарой, отпечатали штук 80 фотографий и выпустили специальный журнал-проспект, посвящённый их авангардным дискам. Для радиогазеты курса было записано интервью с дуэтом Капитона – Магуиста с демонстрацией трёх отрывков авангардной музыки. Ну, а прослушать свои «сюиты» они принудили, наверно, всех своих однокурсников и не только.

Вечером устроили прослушивание сюиты «Быт человечества»... Дядя и Асфира уже дуреют от проклятого авангарда... Шамрай без чувств и восторга. Хвалит нас очень. Лукша: понравилось, но «вытянули всю душу», – писал Капитон в своём дневнике 16 апреля. Капитон составил подробные дискографии каждого «диска» с указанием длины каждой песни или опуса в минутах и секундах... Давным-давно не осталось и следа от этих старых плёнок с аван-

гардными «сюитами» и всем прочим, но листки с отпечатанными в нескольких экземплярах дискографиями ещё до недавнего времени всплывали в архивах членов Клуба.

Гораздо большее внимание Капитон уделял тогда записям настоящего джаза, который он переписывал с пластинок на свой «Маяк». За год, прошедший со времени знакомства с Элвисом и Магнусом, Капитон дошёл и до кондиции битломана, и 12 апреля 1985 года начал длительный процесс собирания записей «Битлз». Магуист тогда битломаном ещё не являлся. Капитон познакомился с неким старшекурсником, жившим в той же общаге, и писал у него альбомы «Битлз» с плёнки на плёнку. Впоследствии одним из важнейших занятий в его жизни стало совершенствование своей коллекции за счёт улучшения качества носителей, с которых велась перезапись: плёнки, пластинки, а в будущем – компакт-диски. Большое внимание всегда уделялось и должному оформлению коллекции – на коробки с бобинами Капитон наклеивал корешки с надписями названий альбомов, коробки впоследствии стали пластмассовыми, а корешки он стал оформлять «каллиграфом», на обратную сторону каждой коробки наклеивал отпечатанную на машинке дискографию – в будущем он раздобыл машинку с латинским шрифтом, – причём с указанием длины каждой песни; для промера песен и альбомов Капитон купил за 18 рублей секундомер, также он завёл несколько конторских книг, в которые записывал дискографии своих любимых групп – сначала это были толь-

ко «Битлз»¹... Постоянная суета с поисками чистой плёнки и коробок фиксировалась в капитоновском дневнике. Денег на всё это добро, равно как и вообще на жизнь, постоянно не хватало, и 13 мая 1985 года Капитон начал сдавать кровь в Институте Пастера – за 450 миллилитров тогда давали 28 р. 60 к., кормили сытным обедом в столовой Петроградского райкома КПСС и, что также ценно, законно освобождали от занятий на 2 дня.

Не с меньшим азартом в то время Капитон взялся и за издание газеты, а Магуист и Магнус стали ему охотно помогать. Это увлечение выглядит вполне естественным, так как все трое были студентами факультета журналистики! Совсем не утруждаясь поисками должного названия, приятели назвали свою газету просто «Новые новости» и стали наполнять её всякой всячиной. Создавал газету всегда лично Капитон. Глухой ночью, зачастую до утра, он сидел в «комнате для занятий» общежития, печатал на машинке статьи и заметки, написанные им, Магуистом и Магнусом, приклеивал их двумя или тремя колонками на лист плотной бумаги, писал через трафарет фломастерами заголовки, иногда доверяя Магуисту украшать газету своими рисунками; позже для экономии времени рисунки стали вырезать также из газет и журналов. На следующий день газету буквально рвали

¹ Через 20 лет Капитон, интересы которого распространились к тому времени на 20 – 25 роковых групп и отдельных исполнителей – совсем немного, кстати, – из которых 90% были английскими, а остальные – американскими, собрал наконец и всех «Битлз» на компакт-дисках...

из рук в руки, и то из одной, то из другой комнаты общаги раздавались взрывы хохота. В газетное творчество Капитон сотоварищи вкладывал весь свой несколько своеобразный юмор. К примеру, на первой полосе, там, где партийные и советские газеты публиковали сообщения о заседаниях Политбюро, «Новые новости» как-то поместили в траурной рамке громогласно обличающую статью «*Подох в помойном ведре*» о хомяке одной сокурсницы, который, когда хозяйева на несколько дней уехали и оставили его в комнате, очевидно, в поисках пропитания залез в помойное ведро и там помер. Некролог имел большой резонанс – владелицу покойного хомяка в итоге довели до слёз, и она с кулаками хотела броситься на редактора. Гвоздём другого номера стала статья «*Козлиное рыло*», повествующая о том, как заведённый на ранний утренний час будильник всё время барахлил и останавливался, в связи с чем выведенный из себя Капитон с криком: «Козлиное рыло!!!» врезал по нему кулаком, из-за чего будильник улетел в пыльный угол и замолк теперь уже навсегда, и наутро они с Магуистом опоздали на электричку и занятия. (А те из однокурсников Капитона, которые ранее подозревали, что он помешанный, после выхода статьи «Козлиное рыло» утвердились в этом мнении). «*Асфуре исполнилось N лет!!!*» – гласила поздравительная передовица одного из номеров. Создатели газеты комментировали все события на факультете и в общаге, для чего постоянно брали интервью у своих однокурсников.

Популярность газеты росла, и в марте 1985 года староста курса коммунист Михаил Великосельский предложил Капитону издавать «Новые новости» в масштабе факультета и на 4 полосах. На комсомольском активе Капитон был избран редактором. Газете они с Магуистом дали новое, столь же «удачное», название «Всевидящее око» и стали вывешивать её на факультете. У газеты собирались толпы. Создатели газеты стали всё больше внимания уделять музыке и один из номеров полностью посвятили творчеству «Битлз» – Капитон подробно рассказал обо всех по порядку песнях альбома *Let It Be*. (Этот номер провисел на факультете всего полчаса и затем был снят секретарём партбюро факультета). Партийное руководство попыталось мягко наставить Капитона на путь истинный, дабы в газете публиковались в первую очередь материалы о партийной и комсомольской жизни факультета (а рядом с шапкой газеты – ласково внушали Капитону – должен красоваться маленький портрет Ленина). Услышав про маленький портрет, Капитон приуныл, плюнул, и газета выходить перестала.

Что касается учёбы, то тут Капитон с Магуистом чётко распределили преподаваемые дисциплины на нужные и нет. К ненужным, естественно, были причислены в первую очередь почти все специальные предметы. Хотя контроль за посещаемостью на факультете был тогда весьма строгим, друзья умудрялись лекции, семинары и другие мероприятия регулярно загибать, то есть прогуливать, а Магуист изобрёл да-

же термин «закругление». Вот выдержки из дневника Капитона:

14 марта. Первую пару, ОСЖ², загнули так классно, что долго дивились потом. Приехал Магуист с бэтлом водки. Пили вчетвером (+ Асфира)³

22 апреля. ...медкомиссия. Мы с Магнусом сначала решили её похерить⁴.

25 апреля. 2-я пара, после чего... пообедали в «Регалии»⁵, и мы с Магуистом совершили округление.

27 апреля. Сегодня – округление.

29 апреля. Автоматический загиб 2 первых пар!!!

11 мая. Первая пара – загиб.

9 июня. Магнус и Магуист уехали на консультацию... Я спал.

² Основы советской журналистики.

³ Алкоголь Капитон и Магуист на первом курсе, кстати, практически не употребляли – это упоминание о бутылке водки на четверых едва ли не единственное в дневнике за тот период.

⁴ Потом всё-таки поехали.

⁵ Всем ленинградским столовым, пирожковым и так далее Капитон и Магуист обязательно давали имена собственного изобретения. «Регалия» находилась на 8 линии близ Среднего проспекта В. О., напротив табачной фабрики им. М. С. Урицкого, в полуподвальном помещении.

Глава 5. Зебр и другие

Новоиспечённый второй курс журфака осенью отправлялся в колхоз в село Житково Выборгского района. Туда предстояло ехать и Магуисту с Магнусом (нужно сказать, что именно в Житкове они разругались едва ли не вконец⁶ и в будущем стали относиться один к другому с ещё бóльшим скепсисом). Что же до Капитона, то, поскольку год назад он перенёс операцию по поводу воспаления надкостницы в НИИ уха, горла, носа и речи⁷, то его от колхоза освободили. Таковым студентам «со слабым здоровьем», однако, предстояло взамен отработать август в приёмной комиссии отделения заочного обучения (ОЗО) журфака, и всех их временно устроили в общагу на улице Шевченко Васильевского острова. Капитон поселился в одной комнате с Зебром, с которым был знаком и раньше. Болезнь Зебра, носившего очки, заключалась в плохом зрении: Зебр даже не служил в армии. Выходец из Нижнего Новгорода, тогдашнего Горького, Зебр отличался от буйного Магуиста тем, что был весьма серьёзен, спокоен и тих, склонен к размышлениям и ана-

⁶ Виной тут была, вроде бы, некая медсестра из колхоза «Житково». Когда Магнус воодушевлённо пел ей под гитару песни «Битлз», в помещении колхозного медпункта материализовался в дупель пьяный Магуист и с треском помочился на пол, запоганив Магнусу всю малину.

⁷ Санкт-Петербург, ул. Бронницкая, 9. Метро: «Технологический институт».

лизу и постоянно что-то читал, писал или рисовал, а при разговоре пристально и крайне серьёзно блестел очками на собеседника, в связи с чем представлялся парнем интеллигентным.

Ставший в будущем Священником Клуба КВД, Зебр в августе 1985 года ввёл в обиход т. н. «святые имена», прообраз будущих клубных имён. Таким образом, Капитон стал «святым отцом» Варфоломеем, а Зебр – таковым же Мефодием. Раздумчиво-аналитичный о. Мефодий, очевидно, в качестве разрядки любил иногда дурковать – по его выражению, бузотерить. (*8 августа. О. Мефодий бузотерил и уронил банку с гладиолусами*, – писал в своём дневнике Капитон). Жившая по соседству красивая сокурсница Ирина Гвоздева, уроженка города Узловое Тульской области, у которой «святые отцы» пили чай, охотно откликалась, когда её звали сестрой Евпраксиньей.

Здесь же Капитон и Зебр познакомились ещё с двумя будущими членами Клуба, которых Зебр пока назвал Лесной Тыквой и Биробиджанским Другом. «Святых имён» они не были удостоены, так как, по утверждению Зебра, были ещё молоды и зелены. Оба только что поступили на 1 курс. Узнав, что Капитон является битломаном, они сразу прониклись к нему огромным уважением, а Зебр за глаза называл их также битломальчиками. Откуда приехал Биробиджанский Друг, я уже не помню, но точно не из Биробиджана, а назвал его Зебр так потому, что посчитал, что он оттуда; Тыква,

кстати, был земляком Капитона; тот земляков никогда особо не жаловал, тем не менее ни его, ни другого нового товарища без особой причины не шпынял, однако если Зебр только хитро улыбался, блестел очками и что-то бубнил под нос, то Капитон в эпоху Клуба иногда отвязывался на доброго и безобидного Тыкву на всю катушку.

Итак, «святые отцы» в августе приступили к работе в приёмной комиссии.

2 августа. Должны были сегодня в 8⁰⁷ выехать с Витебского вокзала и работать на прополке. Вместо этого мы... спали до 11³⁰ и не поехали даже в приёмную комиссию. Вторую часть дня, до 3, я спал тоже. Потом занимались не поймёшь чем... мы с Зебром купили продуктов и бэтл мадеры – его и выпили втроём.

Капитона в это время захватила новая идея: он решил собирать фотографии и плакаты «Битлз» и с этой целью совершенно официально повесил два объявления: у Балтийского вокзала и на Садовой. Вечерами он теперь дежурил у телефона на вахте. Результатом явилось приобретение нескольких фотографий и плакатов «Битлз», которые Капитон впоследствии в связи с отсутствием средств на плёнку и на жизнь продал, в том числе тем же битломальчикам. Более важным стало то, что Капитон познакомился с меломаном по имени Валерий, у которого был магнитофон японской марки «Акай» и коллекция фирменных пластинок. Запись одной пластинки у Валерия стоила 3 рубля; Капитон вскоре запи-

сал всех «Битлз» и начал записывать другие группы. Без преувеличения можно сказать, что коллекционирование музыки с тех пор стало смыслом его жизни.

В приёмной комиссии Капитон с Зебром, однако, работали: принимали документы у заочников, «шили дела» и даже ставили оценки за письменные работы. *Поставил 11 двоек, штук 40 пятёрок, четвёрок и троек – мало, – писал Капитон 3 августа. 19 августа. Ставил печати на листы для сочинений (1200 раз поставил печать!), сгибал их и вкладывал, клеил фотокарточки и др.* Однако даже в приёмную комиссию Капитон неизменно являлся с большой тетрадью в коричневом дерматиновом переплёте – Магнус дал ему тексты «Битлз», и Капитон, когда выдавалась свободная минута, переписывал их в хронологическом порядке, по альбомам.

Глава 6. «Понятие единой субстанции»: как Капитон стал Капитоном

Теперь уже неизвестно, кто подогнал Капитону пьесу Эжена Ионеско «Лысая певица». Скорее всего, Магуист, который позже дал ему и сборник произведений Даниила Хармса. *Однако летом 1985 года Капитон с творчеством Хармса был ещё вовсе незнаком, и это следует особо подчеркнуть.* Пьесу же Ионеско он перепечатал во многих экземплярах, и она произвела на него сильнейшее впечатление, как в своё время и лекция-концерт по авангардной музыке. Наслушавшись музыкального авангарда, Капитон попробовал его играть – и это у него сразу получилось (не будем углубляться в теорию музыки, чтобы выяснить, в какой мере). Сейчас повторилась в точности та же история! «А почему бы и мне не написать рассказ в таком духе?» – подумал он и немедленно приступил к делу: выпил пива, включил радио и сел за пишущую машинку. Так 12 августа 1985 года в тихой, нагретой солнцем комнате общежития ЛГУ на улице Шевченко был создан рассказ «Понятие единой субстанции», в котором описывается, как пожилой врач-венеролог Капитон Варсонофьевич Дерменгольм куда-то ехал, но туда не приехал, а приобщился в итоге к некой единой субстан-

ции. Впоследствии о К. В. Дерменгольме был написан целый цикл произведений.

Нужно сказать, что главные герои в нашем повествовании с самого начала фигурируют под своими клубными именами, которые они получили много позже, лишь осенью 1985 года. (Соответствующие изменения внесены и в дневниковые цитаты). *Nomina sunt odiosa*, но это сделано и с целью достижения единства повествования – дабы излагаемая до сих пор предыстория Клуба КВД органично перешла в его историю.

А в то время они пользовались только именами, полученными при рождении – введение Зебром в практику т. н. «святых имён» было провозвестником учреждения имён клубных, многие из которых позже стали от их носителей неотделимы. И Капитон не сам взял себе имя своего главного литературного героя – так прозвали его позже благодарные читатели, и он с этим сжился до того, что в будущем даже полушутя-полусерьёзно поговаривал о смене паспорта.

Само это имя, равно как и имена других героев рассказа, он придумал ещё весной, когда ездил в Любытино и помогал матери сажать картошку на огороде. «Капитон Варсонофьевич Дерменгольм, врач-венеролог!...» – внезапно громко выкрикнул он, втыкая лопату в землю. «Да-да, конечно», – отвечала мать, привычная к причудам фантазии её сына. «Муригор Варфоломеевич Триммельман! Лугарий Лепитолитович Кугельман! Шискуазий Душанбилович Псёр!» – про-

должал рожать имена одно за другим, энергично вскапывая грядку, Капитон.

Первыми читателями рассказа стали, конечно, отец Мефодий и сестра Евпраксинья. Евпраксинье рассказ очень понравился; правда, она спросила у автора: «А почему имена у них такие страшные?..»⁸ Что касается отца Мефодия, то он *едва не кончился, пока читал. Ему очень понравилось.* Затем рассказ прочитали битломальчики, потом – другие обитатели общаги, поэтому когда в конце августа вернулся из Петрозаводска Магуист (с гитарой в чехле), то он, обеспокоившись тем, что прозевал некое крупное событие, о котором уже многие знают и говорят, и отстал таким образом от жизни, также выпил пива – «чтобы быть в той же кондиции, в какой ты его писал» – и тоже схватился за рассказ. «Папа, – сказал Магуист, начав чтение и ознакомившись с именами действующих лиц, – а почему они все евреи?..» Капитону ответить на это было нечего, так как данная постановка вопроса не приходила ему в голову... Естественно, отныне Магуист стал самым восторженным поклонником литературного творчества Капитона.

⁸ Сестра Евпраксинья читала многие рассказы этого цикла и в будущем, когда на семинаре один из преподавателей журфака разносил более поздний образец творчества Капитона в пух и прах, единственная из всей группы выступила в защиту автора.

Часть II. Клуб в эпоху Магуиста

Глава 7. Создание Клуба de jure

Хотя впервые Клуб КВД был упомянут в дневнике Капитона 20 октября 1985 года, создание его было провозглашено, очевидно, в первых числах октября, когда напрочь разругавшийся с Магнусом Магуист вернулся из колхоза. Между тем все эти упоминания и провозглашения, конечно, не более чем некая формальность – мы видим, что фактически Клуб уже давно существовал. Хотя до принятия Устава Клуба было ещё очень далеко, программные документы, то есть свои рассказы, Капитон уже активно создавал.

В конце августа второкурсников переселили в очередное общежитие – на Новоизмайловском проспекте в 15 минутах ходьбы от станции метро Парк Победы. Комнаты тут были на три персоны, и Капитон поселился с Мишей Ельчевым и Ярославом Харкевичем. Магуист и Зебр жили с другими компаньонами, а Магнус со своей женой Магнусихой снял квартиру на улице Костюшко, что в некотором отдалении от станции метро Московская.

Миша Ельчев стал четвёртым членом Клуба после Капитона, Магуиста и Зебра, а 15 ноября в Клуб были приняты и битломальчики. (Что касается Магнуса, то он в силу сво-

ей обособленности от основного коллектива официально вошёл в клубные ряды позже).

Как ни странно, история не сохранила клубного имени Миши. Выходец из Симферополя, он сразу проникся глубоким уважением как к Капитону, так и к Магуисту, стал активным и непременным читателем, зачастую первым, всех капитоновских рассказов, с большим интересом слушал всю записываемую Капитоном музыку, а более всего был склонен в силу своего юношеского задора бузотерить, дабы путём всяческого шизования разнообразить студенческие будни. Миша был весёлым разгильдяем.

Что касается Ярека Харкевича, то он был гражданином Польской Народной Республики (белорусом по национальности – по-русски он говорил без акцента). Он был абсолютной противоположностью весёлого разгильдяя Миши и Капитона, разгильдяйство которого имело природу более сложную, однако Капитона Ярек всё-таки уважал, тогда как к Мише относился как к несмышлёному ребёнку и пытался его воспитывать и наставлять на путь истинный, в коих попытках потерпел абсолютный крах. Пан, как сразу стали звать Ярека Капитон и Миша, – Яреку это звание очень нравилось, – повышенно и педантично любил порядок. Вдобавок он был верующим – православным христианином, читал Библию, носил крестик, в изголовье койки пана висела иконка, а по воскресеньям пан ездил на богослужения в Александро-Невскую лавру. Пан вознамерился установить в комнате

порядок и режим, для чего в первый же день провёл собрание с Капитоном и Мишей. В частности, он предложил, чтобы с 7 до 10 часов вечера в комнату никто, кроме их троих, не входил, дабы пан, Капитон и Миша занимались учёбой, а в 10 вечера гасили свет. Недели две эти правила действовали, а потом вернулся из колхоза Магуист.

К слову сказать, в комнате напротив жило ещё трое граждан Польши, но не белорусов, а этнических поляков, отличающихся повышенной шумливостью и буйством. Тем было всё до звезды; день-деньской вместо того, чтобы ходить на занятия, они, используя музыкальные колонки, играли на гитарах и ударной установке, орали антисоветские и просто матерные песни собственного изобретения, ходили с канистрой в ларёк за пивом, пили водку и регулярно ездили в гостиницу «Пулковская» ублажать пожилых гражданок Финляндии. Естественно, что пана Ярека они считали за круглого идиота, о чём доверительно поведал Капитону как-то один из пивно-колоночных панов.

Естественно, пан Харкевич принят в Клуб не был – хотя им интересовался и даже поначалу изъявлял желание в него вступить. Пан, однако, был удостоен семейного титула – кузен, – а потом его лишён.

Что же, в общих чертах, представлял из себя Клуб эпохи Магуиста?

Во-первых, осенью 1985 года началось его становление как некой организации. Были распределены должности, на-

чали проводиться собрания и издаваться клубные документы, наряду со «святыми» именами возникли имена клубные, а впоследствии была введена система клубных поощрений и взысканий и изготовлены «личные дела». 17 ноября ночью я печатал «Официальный бюллетень Клуба КВД» в 6 экземплярах, – пишет Капитон в дневнике. – В 4 ночи (!) началось Собрание Клуба. Должности – Президент – я, Секретарь – Магуист, Заместители – Зебр и Миша. Легли в полшестого утра. Что представляло из себя это первое клубное Собрание, вспомнить уже невозможно. Не сохранился, к сожалению, и ни один из шести экземпляров «Бюллетеня».

Во-вторых, Капитон, лидер Клуба, как мы уже говорили, неустанно продолжал создавать свои рассказы о К. В. Дерменгольме, признанные программными документами Клуба, и активно их распространять в массах – как клубных, так и нет. Ряд членов Клуба впоследствии взяли себе клубные имена из рассказов этого цикла, равно как и из более поздних произведений Капитона. Лесной Тыкве, впрочем, присвоили имя Херуальдий Бегониевич Сренг, не спрашивая его желания. Что касается Магуиста, то с ним произошло наоборот: Капитон придумал ему имя и отчество – Магуист Пенедонтович, фамилию – Лукьяппер – Магуист изобрёл себе сам, и уже потом в творчестве Капитона появился такой литературный герой.

В-третьих, продолжалась музыкальная деятельность – дуэт Капитона и Магуиста получил имя «Гастроном» и вместо

«авангарда» стал записывать альбомы песен во вполне традиционном духе.

Не следует забывать, что, кроме всего этого, Капитона по-прежнему чрезвычайно заботила своя коллекция записей, которую он неустанно пополнял, модернизировал и оформлял, – равно как дискографии и тексты песен. Ну, а занятия на факультете и вообще журналистика его интересовали всё меньше. Равно как и Магуиста – тот, наряду с музицированием и эпизодическим писанием каких-то своихopusов, вёл жизнь весьма бурную и богатую различными похождениями. И хотя они и сотрудничали в иногда издающихся в общаге и на курсе рукописных изданиях, но публиковали в них сугубо собственные литературные произведения. Преподаваемая на факультете официальная журналистика советско-партийного розлива их ни до того, ни тогда, ни после абсолютно не интересовала.

В Клубе всегда считалось хорошим тоном относиться к университету и всему, что с ним связано, как можно более наплевательски – возникло даже понятие «антифакультетская деятельность», за какую члены Клуба удостоивались поощрений. В будущем почти все «отцы-основатели» и вовсе махнули на университет рукой, чтобы со временем его покинуть.

Глава 8. Capiton's Rising: рассказы о К. В. Дерменгольме – программа и идеология Клуба

Капитон продолжал энергично создавать свой цикл рассказов о К. В. Дерменгольме, и без преувеличения можно сказать, что их чтение и обсуждение являлись тогда основой клубной жизни. Став Капитоном, Капитон писал теперь как бы о себе в какой-то своей неведомой ипостаси, а другие члены клуба, встречая в рассказах имена героев, которые они теперь считали своими, также отождествляли себя с этими героями. Осенью 1985 года Капитон писал свои абсурдные опусы – рассказы, стихи и всё прочее – всё чаще, иногда каждый день. Если «Понятие единой субстанции» родилось 12 августа, а следующие труды – «Грядущая поступь» и «Не было и в помине» – 1 и 22 сентября, то дальше дело пошло быстрыми темпами, и Капитон выпекал свои авангардистские пирожки, к примеру, 4, 5, 8, 10, 13, 14, 16, 18 и 23 октября – и так далее. Каждому рассказу Капитон присваивал, кроме названия, порядковый номер – приём, позаимствованный из «Железнодорожных рассказов» Шолом-Алейхема – одного из любимых писателей Капитона.

Наиболее бурно-восторженно, как правило, принимал капитоновские рассказы Магуист. Рассказы «Ковар-

ство К. В. Дерменгольма» и единственный впоследствии опубликованный «Резервуар для носа»⁹ привели его чуть ли не в экстаз. Впрочем, было бы неверно сказать, что, восторгаясь творчеством Капитона, Магуист ему просто льстил – из приведённых ниже дневниковых выдержек мы увидим, что это не всегда было так, что же до других членов Клуба, то их оценки часто бывали более сдержанными.

5 октября. «Изображение». Высокая оценка Магуистом.

13 октября. «Люмпен-марш». Восторженные отзывы Магуиста и Зебра.

18 октября. «Добра не жди». Бурное прочтение Магуистом; одобрение Зебра; Миша, которому рассказ посвящён, сказал, что это теперь его любимый рассказ. (Есть рассказы, посвящённые Зебру и Магуисту; Капитон посвятил рассказы, но уже оскорбительного плана, также Магнусу, Дяде и пану Харкевичу).

18 октября. «Не жалейте жара своих сердец». Мише очень понравилось, Зебру – нет. Магуист восторгается, но не очень рьяно.

23 октября. «Этот человек» (авангардный портрет) – направлен против Дяди. Отзывы Магуиста: очень хитро закручено, как удар в морду для экс-дяди. Мише тоже нравится.

А вот и негативные отклики:

⁹ В Выборгском малосерьёзном журнальчике «Фантакт», который издавал Олег Казаков в 1991 году.

24 октября. «Летая, порхая и благоухая». Отзывы Зебра: «Дрянь. Пыль». Конечно,

Летя по небу, роняя сор,
Я вижу Зебра, вокруг – забор.

На фоне очень добротного, составленного из сновидений «Резервуара для носа», ядовитого «Не жалеите жара своих сердец» и абсолютно деструктивного стихотворения «Люмпен-марш» – слабовато.

1 ноября. «Приятность мысли». Магуист испытал адскую гадость. Михаил тоже. Зебр сказал, что «золотое слово» скажет завтра.

Зебр – он вообще более придирчиво оценивал творчество Капитона.

12 ноября. «Страшная роза на двери» (издевательство над Магнусом). Высокая оценка Магуиста и Михаила. Зебр: оценка невысокая.

Однако иногда и Зебр бывал милостив:

13 ноября. «Кувыржун в современном мире» (посвящение Зебру). Высокая оценка Зебра: «Наконец-то ты начал писать достойно».

14 ноября. «Первое путешествие К. В. Дерменгольма и М. П. Лукьяппера». Михаил смеялся до критической точки: чуть не обкакался. Зебр: «Неплохой рассказ».

Капитона всегда крайне интересовало, как читатели вос-

принимают его творчество. Он отпечатал в нескольких экземплярах и роздал членам Клуба «Анкету читателей авангардных опусов о К. В. Дерменгольме». Анкета состояла из множества вопросов, а в заключение предлагалось оценить каждый опус по 10-балльной шкале. По итогам анкетирования Капитон составил хит-парад своих творений, и три первых места заняли, соответственно, «Коварство К. В. Дерменгольма» (где главный герой убил всех остальных, крайне неприятных, героев, занятых крайне омерзительными делами, из «трехствольного пулемёта»), «Понятие единой субстанции» и «Первое путешествие», к которому Магуист *нарисовал просто великолепную картинку... два старых п/бола КВД и МПЛ отправляются в путь.*

К зиме 1985 года в литературном творчестве Капитона наступило затишье. Он вновь на короткое время вернулся к журналистике, а точнее – к «издательскому делу» – причём, именно с целью публикации своих новых творений. *29 ноября. Заходил Таро, индус. Он мой новый шеф – я добровольно «зачислился в его штат». «Тряпка» – так он решил назвать газету.* Ну что ж, по крайней мере, не хуже, чем «Новые новости». *В ней будут два моих рассказа: «Придёт кувыркун» и «Резервуар для носа», стихи и др.* Официально «Тряпка» считалась органом некоего Клуба интернациональной дружбы – института мифического, как Клуб КВД, и не менее абсурдного, нежели рассказы Капитона.

Работа, однако, закипела. Кроме индуса, к Капитону при-

шли очередные поклонники его творчества Алла Макеева (заявившая – «Я – Капитон Варсонофьевич Дерменгольм!») и поляк Пётр Кульпа *делать «Тряпку» и делали её до вечера, сделав очень мало. Всё-таки газету изготовили и ночью при стечении народа повесили в холле 6 этажа. Михаил брал интервью на «Репортёр» и под конец трахнул его об пол.* Через два дня в факультетской стенгазете «Спектр» появилась *удивительная лажа на нашу «Тряпку».* Таро и Капитон, впрочем, как бы и не собирались её больше выпускать – Таро был занят своими похождениями, а Капитон – своими коробками с бобинами и своим творчеством. Капитон, однако, изготовил и вывесил на факультете газету, посвящённую памяти Джона Леннона. Хотя предварительно он заручился разрешением комсомольской организации, партбюро газету запретило, и её сняли через полчаса. Больше в свою университетскую бытность Капитон стенгазет не вывешивал.

Более серьёзной причиной временного литературного затишья явилось то, что Капитон с Магуистом вновь занялись звукозаписью, и всё вдохновение Капитона стало уходить на создание текстов песен. Творчеству ансамбля «Гастроном» мы посвятим следующую главу.

Между тем рассказы Капитона приобретали всё большую известность в студенческой среде. Хотя большинство публики, даже такой передовой, как студенты, их не понимало, а некоторые укоренились во мнении, что Капитон психически болен, неуклонно росло и количество поклонников

его творчества. Таковым, одним из многих, стал однокурсник Капитона Виталий Лунгол: *12 декабря. Виталий Лунгол сильно и серьёзно заинтересовался моими рассказами. Я обещал завтра принести ему. Виталий поделился также тем, что сейчас пишет повесть «в мистическом духе», действие происходит в заброшенном доме, один герой в маске, потом он снимает её, показывая обезображенное лицо...* Капитон со смехом поведал об этом удивительном сюжете членам Клуба, и он их также весьма развеселил. В это время Капитон, возобновив своё литературно-абсурдное творчество, создал рассказ «Адекватация», признанный читателями одним из лучших в его наследии. «Адекватация» – это жизнеописание К. В. Дерменгольма, представляющее из себя сплав подлинной и вымышленной биографий Капитона – на фоне Третьей мировой войны и её удручающих последствий... *6 января. В буфете подошёл Магнус. Отношения с ним у Капитона всегда были неровными. Опять примирение. Он прочитал мою «Адекватацию», потрясся и написал поэму «Хард-рок», посвящённую мне.*

В начале 1986 года Капитон написал немало, в общем, неплохих вещей, в частности, «День рождения К. В. Дерменгольма» (12 февраля) и «Роковое путешествие» (13 февраля). *Магуист горел, ожидая прочтения. Физиономия его при чтении – неопишима. В заключение – стон: «Херовая жизнь!..».* Потом возник рассказ «Оптимизм К. В. Дерменгольма», навеянный крайне неприятными воспоминаниями

о прогулке Капитона вблизи психбольницы №2 на Пряжке и напрочь обруганный впоследствии одним из преподавателей на факультете, когда Капитон представил «Оптимизм...» в качестве заданного к написанию учебного рассказа.

Дальнейшее зимне-весеннее капитоновское творчество 1986 года большие его почитатели Антон Жоголев и Вадим Назаров с более старших, нежели Капитон, курсов охарактеризовали как «звукопись». То были опусы «В автоматическом ночном пивном баре» (Капитон в то время уже занялся периодическим питьём пива), «Драйвер Лыщ», «1+2 Wear Smiling» и «Город Новобубонск» – последний опус *привёл Магуиста в волнение с страхом*. Эти труды, как правило, не превышали одной машинописной страницы.

Написав очередной из них, «Алоэ», Капитон впоследствии назвал так же пивнушку, что находилась в подвальчике на 1 линии близ Среднего проспекта (если идти в сторону проспекта Малого). *27 марта, ночь. «Алоэ». Зебр: «Не понял. Радует расширение словарного состава». Магуист: восприятие обычное для него: ужас, обмороки.* Поименовав пивняк, Капитон активно стал внедрять это название в студенческие массы, и многие даже не члены Клуба это название освоили.

«Звукопись» продолжалась: то был двухстраничный роман «Тогда наполнится», состоящий из загадок и прочей ахинеи, типа:

Почему Зебр стоит на месте, хотя у него целых четыре ноги с копытами, а кругом асфальт? Отгадка: потому что...

а также ряд опусов объёмом вполонину машинописной страницы и ещё меньше – «Архивное ожидание», вновь посвящённый Зебру, «Аудиенция прервётся», «Тегония», «Хвощ-хвощ», «Для того чтобы от», стихотворение «Но облик»:

Твой облик уродлив,
Твой волос утерян,
Твой голос лишён модуляций.
Пока длится утро,
За стёкла не влезешь,
И даже не спрыгнешь обратно.
Ты, тих и угодлив, висишь в небесах,
Твой голос рождает свербленье в носах,
Но страшная даль рождает медаль,
А голос – как чёрная сталь.
Я счастлив ползти с перерезанным горлом,
Лежать с перекошенной мордой.

Этот стих Капитон очень громко распевал на мотив старой патриотической песни Б. Мокроусова «Заветный камень». Закончился этот цикл 10 мая произведением «Мегония», при создании которого Капитон просто беспорядочно

колотил пальцами и кулаками по клавишам машинки ¹⁰, разлеплял затем литеры и снова продолжал творить в том же духе, а затем ушёл бродить куда глаза глядят и несколько дней пребывал в депрессии. К литературному творчеству он вернулся лишь осенью 1986 года.

Этот цикл рассказов, написанных под огромным влиянием как литературного отца Капитона – Эжена Ионеско, – а также Даниила Хармса, равно как и «Битлз», прежде всего Джона Леннона, как мы уже говорили, включает рассказы, стихи, некое более чем откровенное издевательство над философскими изысканиями, «звукопись», некие приколы и вообще неизвестно что. Написанные в основном в стиле литературного абсурда, они пронизаны духом нонконформизма и отрицания, тональность их варьируется от намеренно мерзостных образов (должных вызвать у читателя чувство отвращения), упадка, цинизма, безумия, депрессии, агрессии, насилия, паники, полного неверия в человека и человечество и абсолютного нежелания жить дальше на белом свете – до неких эйфорических образов – но это веселье представляется столь же абсурдным, циничным, нездоровым и вообще совершенно безумным.

Таковы программные документы Клуба К. В. Дерменгольма. И хотя в них представлена программа, как *не надо* жить – это обычно чётко заметно, ведь ни насилие, ни агрессия в них ни в коей мере *не* пропагандируются – никакой пози-

¹⁰ Логичный и неперемный итог любого авангардного творческого процесса.

тивной программы в них в то же время тоже *нет*.

Соответственно, Клуб КВД, будучи компанией близких по духу молодых очень весёлых и жизнерадостных разгильдяев, поставил своей целью отрицать – царившие в доперестроечное время в университете и государстве порядки и идеологию – и вести наиболее безоблачный, беспечный и, опять-таки, весёлый образ жизни. А всё, что их сдерживало и что мешало им так жить, следовало просто игнорировать.

Глава 9. Ансамбль «Гастроном»: от «Друга моего» до «Чешского Копова»

Идея назвать свой музыкальный дуэт «Гастроном» появилась впервые в сумбурной голове Капитона как название для ансамбля вообще, какого-то. Однажды он услышал у своего однокурсника Сергея Хренова пластинку ансамбля «Рок-ателье». Пару дней спустя, выходя с Магуистом из упоминавшейся выше столовой «Регалия» и рыгая, Капитон среди прочего сварливо заявил: «Вот ведь нашли источник вдохновения для названий. То был «Рок-отель», теперь ещё «Рок-ателье». Ещё б назвали «Рок-гастроном». Тут Магуиста осенило: «А не назвать ли нам наш ансамбль «Джаз-гастроном»?!...». Капитон подумал. «Когда это мы играли джаз, у нас кишка тонка». – «Тогда – «Рок-гастроном!!...». – «Да, конечно. Можно подумать, рок мы сыграем. Мы с тобой способны только нести ахинею. Нас бы с тобой в какой-нибудь мультфильм озвучивать кошмаров или негодяев». Магуиста несколько обидело такое неверие в его музыкальные способности, однако ансамбль назвали «Гастроном».

Приятель решили, что из авангарда они уже «выросли», и что надо записать альбом «просто песен».

Это и было сделано 6 декабря 1985 года. Название альбо-

ма – «*Друг мой*» – придумал Магуист, вспомнивший одного из своих знакомых, который поступил в Лесотехническую академию и так этим возгордился, что стал крайне снисходительно обращаться ко всем – указанным образом. Итак, именно «Друг мой» стал *первым* альбомом ансамбля «Гастроном».

Некоторые слушатели «Гастронома» считают «Друг мой» лучшим альбомом ансамбля. Может быть – при всём своём несовершенстве в этом альбоме есть яркость, романтичность и некая композиционная последовательность. Начиная с «Друга моего», у «Гастронома» сложился свой принцип построения альбома. Первая сторона – более «серьёзна» и «концептуальна», а вторая – стёб и веселье.

Программной вещью альбома стал «Люмпен-Марш». Капитон поёт, точнее, быстро проговаривает агрессивно-абсурдный текст одного из своих псевдо стихотворных опусов, а Магуист максимально выкладывается в гитарной игре – это один из лучших образцов его игры в роковом стиле. Из вещей Магуиста на альбоме лучшая – акварельная баллада «Побольше молчи». Это, кстати, первое негативное обращение Магуиста к Магнусу, с которым Капитон и Магуист тогда в очередной раз надолго рассобачились.

...Вообще, то, что Капитон и Магуист не пригласили для записи альбома такого сильного гитариста, как Магнус, может показаться странным только на первый взгляд. «Я не могу играть с Магуистом! – раздражённо сказал как-то Магнус

Капитону после очередного гитарного „сейшена“ на лестнице в общаге. – Он всё время лезет на первый план, хочет везде лидировать, а ритм тоже понимает очень странно». Другими словами, две лидер-гитары в ансамбле ужиться не смогли бы.

Другие достойные вещи Магуиста здесь – мягкая рок-баллада «Диск» со скэтом (слоговым пением) в конце, нервный рок «Крахмальный воротник» и, наконец, тяжёлая и угрюмая «Вспоминая» (похожая на *I'm Only Sleeping* Леннона) – эти две песни на тему отчуждения личности в обществе. На «ударных» в песне «Вспоминая» стучит Капитон, а в других вещах – Михаил.

Из песен Капитона, которых, кстати, на первом альбоме мало, можно выделить вокальную, в два голоса, «Песню про вошь» (тема: идиот как продукт общества), гротескно-русскую «Хэ-Хэ» – и, наконец, мы подошли к лучшему, что есть на этом альбоме. Это – песня «Шашлычная «Космос», завершающая 1 сторону альбома. Текст написал Капитон, он же подобрал ритм (тут он исходил из песни «Битлз» *This Boy*), а Магуист тут же выдал мелодию для вступления. Пели они её втроём с Михаилом и записали с 4 дублей – случай в истории «Гастронома» уникальный, так как редко какая песня записывалась более чем с 1 дубля. «Шашлычная» – издевательство над безмозглым оптимизмом, пропетое со стилизацией под кавказский акцент:

Верим мы в наш солнечный завтра,
Так же будем мы пить «Ркацители»,
Суп-шурпа, шашлык будем кушать,
И нам очень, очень хорошо!

Из вещей 2, «стёбной», стороны можно выделить «Моего сердца павильон», где сперва Магуист, как положено, играет на гитаре, а Капитон – на губной гармошке, а потом *наоборот* (напомним, что Капитон никогда не знал ни одного аккорда), а также импровизацию «Усталый пан Харкевич», навеянную образом присутствовавшего при записи (ему больше некуда было деваться) Ярека Харкевича. Капитон, Магуист и Миша поют тут как один неожиданно слаженно, и даже Миша вдруг ни с того ни с сего в тему сыграл на губной гармошке.

Спит усталый пан Харкевич,
Книжки спят... —

начинает, как ни в чём ни бывало, Капитон выводит «голосом доброй бабушки» (по выражению Магуиста) мелодию из «Спокойной ночи, малыши». Однако, попев ещё немного в том же духе, он неожиданно переезжает на новые рельсы (а Магуист сразу ловит, в чём тут дело, и играет соответственно):

Америка хорошая страна,

Здесь есть президент, нету здесь царя...

(вольная цитата из Шолом-Алейхема). И так далее...

Таков первый альбом «Друг мой». При всех своих сырости и несовершенстве слушается он с незатухающим интересом, да и вообще совсем не так уж плох!

После «Друга моего» альбомы посыпались один за другим. Через две недели, 19 декабря, был записан ранее упоминавшийся «*Я помню, что это было за время*» – творение неудачное, однако это было выпадающее из общего потока воспоминание, так как ещё через 10 дней вышел альбом «*Кот Эскалоп*». В буфете общаги водился кошка, и Магуист назвал его «Кот Антрекот»; Капитон переделал имя в «Кот Эскалоп», и Магуист моментально сочинил заглавную вещь альбома.

Первая попытка записи нового альбома вышла неудачной: 28 декабря. Хотели писать «*Кота Эскалопа*», но Магуист нажрался пива до бесчувствия и спал. Альбом записали на следующий день, 29 декабря, на едином дыхании и всего за полтора часа (!) – все песни были записаны с первого дубля. Нет слов, если бы гастрономовцы поработали над ним подольше, альбом, весьма в потенциале неплохой, можно было бы довести до ума – однако «Кот Эскалоп» даже со своими немалыми огрехами имел успех у слушателей – в том числе и у Магнуса: 6 января. Я дал Магнусу послушать «*Кота Эскалопа*». Ему весьма понравилось.

Красивая мелодически песня «Кот Эскалоп», написанная и спетая Магуистом, – открывает альбом:

Кот Эскалоп имел обыкновение
Стрелять себе в лоб. Всем на изумление
Купил себе гроб, и лёжа в гробу
Он жрал эскалоп.

Упомянутый принцип «серьёзная – несерьёзная стороны» особенно ярко выражен на этом альбоме. Песни первой стороны, выдержанные строго в угрюмо-пессимистическом настроении, органично следуют одна за другой: сразу после «Кота» следует капитоновский «Ужас в восьмом поколении», потом его же «психиатрическая баллада» «Косноязычная песня», потом магуистовский «Убогий остров» – описание одной из его картин – и далее в точности в том же духе. Музыканты были верны своей концепции.

А уже начало второй стороны альбома представляется слушателям как вздох облегчения – то песня «Пигментация» на музыку Магуиста (местами напоминающую ускоренный битловский *Sun King*), стихи Капитона, спетая втроём с Мишей, причём в песне уже в который раз возникает всё тот же Зебр:

Рознь лишь одно другому, потому что вытряхнулся
горох.
Вряд ли в пустой коробке я забуду о том, что плох.

Зебр не движется, будто глянцевый,
Это лучшая пигментация!

Затем следует «Ностальгия по 50-м» (нет, не 60-м: это очередное капитоновское издевательство). Серьёзная вещь на второй стороне – «Я не попал в длинноволосую ораву» – магуистовская философски-социальная баллада, музыкально очень похожая на битловскую *Dear Prudence*. Ещё на второй стороне можно отметить песню «Осса» на стихи Д. Хармса; всё остальное здесь, к сожалению, уже явный мусор, а завершается альбом репризой «Кота Эскалопа», в конце которой – несколько мощных джазовых аккордов, символизирующих светлую надежду.

Если «Друга моего» и «Кота Эскалопа» в контексте гастрономовского наследия можно назвать более-менее удачными альбомами, то далее началась, говоря словами Остапа Бендера, «потеря качества при выигрыше темпа» – причём качество, и так неважное, начало вовсе уходить в песок... Третий альбом, причём называющийся, опять-таки, «**Зебр**», записанный через 10 дней (!), 8 января 1986 года, получился сумбурным, тяжёлым и откровенно скучным для восприятия. Трудно даже найти в нём какие-либо признаки альбомной композиции. Однако именно на этом альбоме находится едва ли не лучшая вещь Магуиста вообще – «Мглистость» (социально-политическая тема), неплоха и его «Поэма» – новый «плевок» в Магнуса («уничтожение» Магнуса

отнимало у Магуиста много творческих сил). Из вещей Капитона следует отметить «Стожары» – полуджазовую элегию с хорошими стихами, песню «Страшный ветеринар» со «звериным» вокалом, а также быстрый приглушённый «психоделический» речитатив под гитару «Тени мыслей». Заслуживает упоминания ещё тот факт, что на этом альбоме Магуист, кроме гитары, играет на чаранго – латиноамериканском инструменте с 4 двойными струнами, корпус которого сделан из панциря броненосца. Чаранго дал Магуисту знакомый пьяница-боливиец.

Через 2 дня (!!), 10 января, был записан новый, четвёртый альбом «*Умный прапорищик*» (название придумал Магуист). Куда так торопились гастрономовцы, непонятно. Написанные за два дня тексты не выдерживают критики, а о музыке и говорить нечего. Выделить здесь можно разве что вторую, местами улучшенную, а местами ухудшенную версию «Страшного ветеринара», а также вновь посвящённую оплеванию Магнуса «Оперную зарисовку», написанную Магуистом, да его же «Романс начальника гауптвахты»:

Мы гуляли с ней вдвоём...

И ветви качались

НАПРА-ВО! НАЛЕ-ВО!!

...Но вот я её слишком сильно сжал...

ГАЗЫ!!!

Ну, и ещё через 4 дня, 14 января, Капитон купил бутылку

водки, которую выпили на троих с Мишей, потом Магуист сходил за вином, и гастрономовцы, дойдя до нужной кондиции, записали первую сторону пятого своего альбома *«Всё как и было»*. На первую сторону 270-метровой бобины уместилось всего 4 композиции: магуистовский рок «Дядя Вася Щеглов с мыльного завода» (персонаж из программных документов Клуба) с истошными воплями Капитона: «Сволочи!! Сволочи!!! Сволочи!!! Сволочи!!!» – непонятно, кто Капитона тогда так донимал; длинная и занятая капитоновская баллада «Козы» (там есть интересный сольный гитарный проигрыш Магуиста), «Уродливый блюз» Капитона (отличная игра на гитаре Магуиста) и магуистовская замогильная элегия «Когда дадут свет».

Вторая сторона была писана на следующий день и опять (опять!) начинается со сразу двух посвящений всё того же рода Магнусу, сочинённых Магуистом, а выделить на этой стороне можно капитоновскую песню «Не смотришь в моё зеркало», описывающую реально случившиеся в общаге разборки двух арабских студентов – а последнюю строчку мгновенно, в процессе сеанса звукозаписи, присочинил и допел Магуист:

Не смотришь в моё зеркало,

Это моё зеркало.

Повесь своё и смотришь в него, собака.

Не вешай своё зеркало

На мой гвоздь, это мой гвоздь,

Вбей свой, повесь на него зеркало
И смотришь в него,
А то сейчас зарежу.
Убери свою грязную рожу с моего зеркала, а не то...

После всей этой бурной суеты со звукозаписью наступила тишина.

Запись шестого альбома началась только спустя 4 месяца, в ночь на 8 мая. Название и заглавная песня принадлежат спевшему её Капитону – *«Кот Эскалон едет в Ватикан»* (по аналогии с *Frankie Goes To Hollywood*). Красивую запоминающуюся мелодию, использованную в этой песне, когда-то давным-давно, во времена своей молодости, придумала мать Капитона. Эта песня – признанно лучшая на альбоме, и, не считая её, участие Капитона в сочинении тем и текстов свелось почти к нулю. Капитон сочинил ещё лишь смурную роковую вещь «Альянс» на вторую сторону, чтобы разбавить сплошной магуистовский материал, объявил свой вокал в этой песне «новаторским» и, кроме аналогичного прикола, не выдал ничего.

Вся тяжесть легла на плечи Магуиста, и альбом получился чем-то похожим на «Друга моего» – там капитоновская составляющая тоже невелика – балладным, мягким, добрым и изумрудно-зелёным. Неплохой получилась и композиция. Лучшие вещи Магуиста на этом альбоме – «Моя больница» и «Очковые игры», покоряет трогательной ласковой добротой «Прощание с котом Эскалопом». Отличительными мо-

ментами являются также: использование при записи ударной установки (взятой напрокат у живших напротив вышеописанных буйных поляков) и отсутствием других участников, кроме Магуиста и Капитона.

Седьмой альбом «Гастронома» – «*Биологический отец*» – был записан 30 мая – 2 июня 1986 года. *Начало записи омрачилось тем, что я обругал помешавшего записи Мишу. Очень оскорбил (как мог).* Альбом, соответственно, записан был тоже вдвоём. Название придумал Магуист, а участие Капитона в сочинении текстов и даже музыки самое обильное: он сочинил и, соответственно, спел целый ряд баллад: угрюмо-реакционную «Хрен» («Песня о конформистах»), злобно-лирическую «Страхи розовых стен» и балладу «Утконос», где Капитон впервые заговорил, то есть запел не о психиатрии, насилии и всемирном маразме, а о гуманизме. С точки зрения музыкального новаторства, несомненно, на этом альбоме не имеет себе равных не поддающаяся внятному описанию песня Капитона «Залы»:

Где ты, луч??!!!!!!! Где ты?!! Где ты, скала?!!

Словно стук оранжевого света

Залы!! Залы!! ЗАЛЫ!!! Залы...

Магуист, хотя он и выглядит на этом альбоме чуть-чуть менее выгодно, выдал тоже немало: панк-рок «Я вонючий»:

Я б не видел вас и во сне,

Но теперь я понял вас ясней,
Я для вас как клоп на стене,
Раздави меня и дальше иди,
Но я вонючий! Я вонючий!

пару коротких баллад «Крест» и «Ждём Ждём Ждём» и заглавную песню «Биологический отец»; вместе с Капитоном они сыграли на гитарах инструментальную пьесу «Петергоф» – воспоминание о прошлогоднем «авангарде». Наконец, следует отметить глобальную магуистовскую «Литературно-художественную композицию «Бригада X», где участвует также Капитон. «Социальный заказ дал здесь благодарные плоды», – высказался позже о ней Эгершельд, ставший членом Клуба и гитаристом нового ансамбля с участием Капитона в постмагуистовскую эру.

Вскоре музыканты собрались писать свой восьмой альбом, но проект остался неосуществлённым. 8 июня. *С Магуистом начали запись нового альбома – «Периодическая музыка». На деле Магуист пока не участвовал. Сперва привели (знакомую польку) Эвелину Галлас, которая лаяла и выла собакой, а я записал это. Потом я записал первую песню – свой «Вокализ»¹¹. У Магуиста отсутствовало вдохновение. Отсутствовало оно и в дальнейшем, однако кое-что записано всё-таки было. Это – «Прощальный концерт на Новоизмайловском», или «Мандулька» – 10-минутная сумбурная*

¹¹ Этот опус в будущем лёг в основу песни «Нейролептический шар».

ахиня, представляющая из себя грохот и вопли. Восьмой альбом «Гастронома», «*Чешский Копов*», был записан осенью, уже втроём, с участием нового члена ансамбля и Клуба Инфалангеусом. Поскольку Инфалангеус никогда не стремился любой ценой вылезти в лидеры, то они с Магуистом в музыкальном плане сошлись: Магуист играл партию соло-гитары, а Инфалангеус – ритм-гитары. «Копов» производил отвратительное впечатление – виною здесь была как поганая запись, так и грязнейшее халтурное музицирование пьяных гастрономовцев. Вскоре альбом был стёрт – сожалел о нём только Инфалангеус.

После «Копова» Магуист активно готовился записать *сольный* альбом – с привлечением, однако, как Капитона, так и Эгершельда с Инфалангеусом. Однако в ноябре 1986 года Магуиста забрали в армию, сольник записан не был, и эпоха «Гастронома» завершилась. Новый ансамбль был создан уже без участия Магуиста. *The Music Must Change* – есть такая песня ансамбля *The Who*.

Глава 10. Отношения в Клубе

Важным фактором, влияющим на клубную жизнь, были периодические конфликты между членами Клуба. Во-первых, это уже упоминавшаяся коллизия Магуист – Магнус, а точнее – обычные хамские выходки в подростковом духе Магуиста по отношению к Магнусу. Капитон частенько ссорился с Магнусом ещё до появления Магуиста, и теперь участвовал в магуистовских эскападах по большей части мерзостным хихиканьем. Впрочем, когда Магуист нарисовал на листе ватмана акварельными красками невероятно омерзительную и в то же время высокохудожественную харию, окружённую гнусно-фаллической символикой – в харе каждый однокурсник мгновенно узнавал окарикатуренного Магнуса, – и повесил её на дверь в комнате, Капитон тут же отреагировал антимагнусовским рассказом «Страшная рожа на двери» (12 ноября 1985 года), который он впоследствии, когда отношения с Магнусом более-менее нормализовались, старался ему не показывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.